

Династическая модель транзита власти в государствах с формирующимися политическими институтами на примере стран постсоветского пространства

Dynastic Model of Power Transit in States with Emerging Political Institutions on the Example of Post-Soviet Countries

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-106-115

УДК 321

Получено: 05.06.2020

Одобрено: 16.06.2020

Опубликовано: 25.06.2020

Притчин С.А.

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова
e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru

Pritchins S.A.

Candidate of History Sciences, Senior Research Fellow Center for post-Soviet Studies IMEMO
RAS named after E.M. Primakov
e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru

Аннотация

В комплексе политических взаимоотношений общества и власти одним из наиболее уязвимых аспектов является транзит или преемственность власти. Ещё более серьёзным вызовом транзит власти является для государств с только формирующимися политическими институтами. Как правило, у таких государств отсутствуют традиции смены власти, нет необходимых механизмов стабилизации ситуации в транзитный период и устойчивых институтов защиты частной собственности. В таких условиях правящий класс этих стран ищет такие сценарии транзита власти, которые бы позволили обеспечивать политическую и экономическую стабильность и преемственность, а также гарантировали безопасность и права собственности для уходящего с политической арены главы государства и его окружения. Оптимальным сценарием в таком случае является преемнический сценарий с приходом власти выбранного уходящим главой кандидата, который бы гарантировал выполнение данных условий. Но в новых независимых государствах, к числу которых относятся бывшие республики СССР, с чрезвычайно серьёзным уровнем сакрализации и абсолютизации власти, её передача даже доверенному человеку несёт в себе риски для правящих кругов и ближайшему окружению уходящего лидера. Как следствие, в качестве решения избирается династический сценарий передачи верховной власти в государстве члену семьи руководителя, что позволяет решить все ключевые задачи для транзита. Данный сценарий был реализован в 2003 г. в Азербайджане. Подготовка к династическому сценарию транзита в настоящее время наблюдается в двух республиках Центральной Азии – Таджикистане и Туркменистане. Целью исследования является анализ причин выбора династического сценария транзита власти на примере стран постсоветского пространства. В качестве методологической основы исследования использовался системный, сравнительный анализ прецедентов реализации династического сценария транзита власти с обзором существующих

политологических концепций. Практическая работа с разбором причин и механизмов передачи власти внутри семьи позволит выявить влияние данного механизма на развитие политических институтов в выбранных странах.

Ключевые слова: политические институты, транзит власти, преемничество власти, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан, постсоветское пространство, династическая модель.

Abstract

In the complex of political relations between society and power, one of the most vulnerable aspects is the transit or succession of power. An even more serious challenge to political stability is the change of the head of state for countries with unstable political institutions due to short history of independence, as a result of the lack of traditions and mechanisms for changing power, and the lack of stable institutions for the protection of private property. In such circumstances, the ruling class of these countries is looking for such scenarios of power transit that would ensure political and economic stability and continuity, as well as guarantee security and property rights for the outgoing heads of state and their entourage. The optimal scenario in this case is a successor scenario with the coming of power of the candidate chosen by the outgoing head, who would guarantee the fulfillment of these conditions. But in the newly independent States, which include the former republics of the USSR, with an extreme level of sacralization and absolutization of power, its transfer even to a trusted person carries risks for the ruling circles. As a result, the dynastic scenario of the transfer of Supreme power in the state as a rule to the son of the head is chosen as the solution, which allows solving all the key tasks for transit. This scenario was implemented in 2003 in Azerbaijan. The purpose of the research is to identify the reasons for choosing such a mechanism of power transfer based on a systematic and comparative analysis of existing precedents for implementing the dynastic scenario of power transit in the post-Soviet space. Practical work with the analysis of the causes and mechanisms of power transfer within the family will reveal the impact of this mechanism on the development of political institutions in the selected countries.

Keywords: political institutions, transit of power, succession of power, Azerbaijan, Turkmenistan, Tajikistan, post-Soviet space, dynastic model.

Введение

Воспроизводство власти или транзит власти (передача власти от одного руководителя или группы руководителей к другому / другим) в системе отношения власти и общества является одним из наиболее уязвимых и чувствительных процессов с точки зрения сохранения политической и экономической стабильности государства. При идеальном сценарии в развитом государстве при транзите власти устоявшиеся правовые и политические практики и традиции в виде законов, политических институтов обеспечивают стабильность и преемственность.

Гораздо рискованнее как для политического класса, так и для общества в целом является транзит власти в государствах с формирующимися или отсутствующими институтами, слабой эффективностью правовых норм и практик, отсутствие разделения властей. Для руководителя и его окружения потеря власти в некоторых случаях, реализации такого сценария может означать и потерю собственности, а при негативных сценариях – свободы.

Бывшие республики СССР в Центральной Азии и Южного Кавказа в целом представляют собой именно такой класс государств, с недолгой историей независимости и, как правило, отсутствием опыта самостоятельного построения суверенного государства, со слабыми, формирующимися институтами, отсутствием практик преемственности власти.

В таких условиях для правящих кругов бывших советских республик вопрос транзита власти имеет экзистенциальную важность. Повсеместно руководители стран региона

предпочитали через конституционные реформы, «обнуления сроков правления» продлевать свое присутствие во власти. Данные меры позволяли главам в большинстве стран региона находиться у власти десятилетия, не беспокоясь о необходимости развития политических институтов, формирования юридических норм и практик для регулярной ротации руководства. Продление срока нахождения у власти, каким бы длительным оно не было, рано или поздно ставит вопрос о транзите власти.

На постсоветском пространстве бывшие республики СССР имеют схожие проблемы при формировании новой политической системы и соответственно организации транзита власти. Все страны региона на старте своей независимости в 1991 г. имели закрытую политическую систему с доминированием коммунистической партии и идеологии. Перед каждым государством стоял вопрос, по какому пути развития идти дальше. За редким исключением большинство стран вернулись к закрытой однопартийной или мультипартийной системе с доминированием исполнительной ветви власти, с развитым силовым аппаратом и отсутствием полноценно работающих демократических инструментов. При этом мы можем отметить закрытость элит от общества, принятие большинства решений без прямого вовлечения общества. Так же большинству стран региона свойственна архаизация – переход к более традиционным системам внутри-общественных отношений и механизмам принятия решений (клановость, трайбализм и т.д.).

Именно поэтому в мировой практике в государствах со слабой государственностью, слабыми или отсутствующими политическими институтами часто применяется сценарий династической преемственности, когда преемником становится член семьи главы государства, чаще всего сын. При таком сценарии обеспечивается выполнение сразу целого комплекса задач, стоящих перед властью на момент транзита. Первое – сохранение стабильности и преемственности внешнеполитического курса. Второе – обеспечение гарантий безопасности и прав собственности для правящего класса. Третье – решение вопросов легитимности, когда причастность к правящей семье как правило патерналистски настроенным обществом уже воспринимается достаточным легитимизирующим фактором, дающим право на верховную власть в государстве.

Целью исследования является анализ причин выбора династического сценария транзита власти на примере стран постсоветского пространства. Практическая работа с разбором причин и механизмов передачи власти внутри семьи позволит выявить влияние данного механизма на развитие политических институтов в выбранных странах.

Между институционализмом и традиционализмом

В качестве теоретической базы для объяснения выбора моделей развития транзита власти по разным сценариям могут быть рассмотрены несколько существующих теорий, такие как *институционализм* [1] и *традиционализм* [9]. Само понятие политического института трактуется в политологической науке достаточно широко. В частности, Д. Норт дает такое определение, что институты – это «созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие» [9].

В свою очередь, неоинституционалисты под институтом понимают «совокупность законов, правил игры, определенных кодексов поведения, типов отношений». Современные ученые рассматривают институт шире, включая в него, в том числе, и неформальные аспекты. Так, С. Патрушев рассматривает институт, как «совокупность «правил игры», т.е. правил, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, которые через систему положительных и отрицательных стимулов направляют поведение людей в определенное русло и тем самым делают ситуацию менее неопределенной [14]. Эти установления подразделяются на неформальные нормы (обычаи, традиции) и формальные правила (конкретные законы, нормативные акты) или на явные и неявные установления» [5].

Институционализм в свою очередь имеет две важные методологические школы – «исторический» институционализм и институционализм «рационального выбора». Сторонники институционализма «рационального выбора» предлагают построение объяснения происходящих событий «с учетом времени и места происходящего, но в рамках системы двух важных аспектов деталей происходящего и его подхожимости». Такой подход позволяет совместить принятую в историческом институционализме опору на анализ конкретных контекстных условий совместно с системой стимулов, с которыми сталкиваются политические акторы, используемые сторонниками теории рационального выбора. Это, в свою очередь, дает объяснение решений, принятых в конкретных традиционных и исторических рамках, но с учетом индивидуальных особенностей личности, принимающей то или иное решение.

Методологи исторического институционализма отмечают, что для понимания политических процессов в стране особенно важно знать характер институтов, которые определяют логику коллективных решений. Общей важной особенностью двух направлений является поиск объяснений появления и устойчивости институтов, которые работают или не работают для обеспечения координации внутриэлитных групп и общества. Процесс передачи представлений о том, какие традиции и нормы присутствуют в обществе и обеспечивают преемственность традиций, происходит от одного поколения к другому. При этом, по мнению ряда институционалистов, совсем не обязательно, что каждое молодое поколение воспринимает данные традиции полностью, без поправки на новые условия. Молодёжь ориентируется в первую очередь на новые реалии и в таких условиях молодое поколение неспособно полностью воспринимать ценности и традиции от старшего поколения к последующему [2].

Может ли институционализм стать основной для формирования внятной модели, объясняющей логику развития политических процессов и формирование сценариев транзита власти в регионе? В контексте нашего исследования важно понимать, что политические традиции, процедуры и ценности, которые мы можем идентифицировать как институты – все они теряли свою актуальность, важность для новых государств в процессе нациостроительства, поиска своей аутентичной, государственной модели, максимально отличающейся общественной, этнической, исторической спецификой. Более того, приход нового поколения, не рожденного в СССР (в силу демографических особенностей общества стран Центральной Азии и Южного Кавказа достаточно молодые, например, средний возраст населения в самом населенном государстве региона Узбекистане составляет 27 лет, поэтому уже сегодня большинство населения было рождено после распада СССР), на персональном уровне снижает институциональную память и потребность именно в советских традициях и нормах взаимоотношения власти и общества.

Вместе с тем, за 30 лет страны региона не смогли сформулировать, сформировать и закрепить политические институты, «свод правил игры», которые могли бы стать основой, устойчивой базой политической традиции и конструкции, обеспечивающей стабильность властной системы, учет интересов разных групп общества при выработке решений, а также апробированный, устойчивый механизм сменяемости и транзита власти. В такой ситуации наработки теории институционализма могут быть нами использованы в качестве позитивного примера, идеальной системы к которой необходимо стремиться при формировании устойчивой политической системы, нежели как инструмента для понимания текущей стадии развития стран выбранного нами региона. Даже конституция, как свод ключевых правил для жизнедеятельности государства, во всех без исключений странах менялась не единожды за почти 30 лет независимости в угоду интересам отдельных персон и групп интересов, что является дополнительным доказательством отсутствия стабильных и устойчивых институтов, которые позволяли государству иметь институциональную основу для своего функционирования.

В условиях невозможности формирования полноценных и устойчивых современных политических институтов, базирующихся на верховенстве закона, высокой самоорганизации общества и участии его в управлении государством, не только через выборы, но и через контроль гражданского общества, на постсоветском пространстве на первый план выходит возврат к традиционным, старым моделям государственного управления, к консервативному политическому сознанию. Традиционализм – так может быть обозначен проявляющийся повсеместно на постсоветском пространстве тренд на укрепление властной вертикали и влияния государства в целом как средство защиты закона, порядка и национального начала. Теоретики традиционализма опираются на «примат общества над личностью, неизменного над изменчивым, социального над индивидуальным...», традиционализм «...является средством закрепления определенных социальных отношений» [3]. Выделяется два формата его реализации на практике: консерватизм и архаизм. Ориентирующиеся на традиционализм политики апеллируют к нему, чтобы сохранить и законсервировать всё, что можно сохранить и упрочить в противовес современным трендам на модернизацию и внедрению наиболее передовых практик. Таким образом, вместо формирования устойчивых политических институтов руководители ряда государств постсоветского пространства для сохранения власти стараются консервировать политические процессы, чтобы остановить модернизацию политических систем и общества. Одной из главных мотивирующих целей для политиков, опирающихся на традиционализм, является попытка обезопасить себя от притязаний со стороны социально и экономически ущемлённых сил и слоёв общества [6]. И это во многом справедливо в отношении стран постсоветского пространства. Политическая стабильность и устойчивость позиций правящей группы являются ключевой целью внутренней и внешней политики для руководства большинства стран региона, что в условиях отсутствия каких-либо институциональных ограничений для властных групп со стороны общества или оппозиции лишает страны возможностей для модернизации общественных отношений, переформатированию форматов взаимодействия власти и общества. Как следствие, происходит скатывание к традиционным, а порою архаичным политическим процессам, формам государственного устройства и, как следствие, форматам транзита власти, включая такие как династический механизм.

Методология

В качестве методологической основы исследования использовался системный, сравнительный анализ прецедентов реализации династического сценария транзита власти на постсоветском пространстве. В рамках обзора и анализа были рассмотрены уже реализованные или только готовящиеся к реализации династические транзитные сценарии. Проводится их сравнение по предпосылкам, условиям запуска и механизмам реализации. В качестве теоретической основы объяснения выбора именно такого механизма транзита рассматриваются две концепции – институционализм и традиционализм.

Выбор оптимального сценария транзита власти при слабых институтах

Одним из наиболее подходящих для сохранения стабильности власти сценариев транзита власти в государствах со слабыми институтами является преемничество. Данная модель предполагает, что глава государства выбирает кандидата себе на смену, который мог бы обеспечить преемственность политического курса и стабильность в государстве на момент транзита и в дальнейшем. Но главная задача преемника заключается, как правило, в обеспечении гарантий безопасности и прав собственности уходящему лидеру и его окружению или правящей группе.

Идеальный сценарий «преемник» подразумевает, что:

– кандидатура, выбранная действующим лидером себе на смену, является **консенсусной**, что означает, что его фигура в необходимой мере устраивает всех

вовлеченных в политическую жизнь страны элитных групп. Это важно, чтобы процесс смены главы государства происходил в условиях отсутствия противодействия противников кандидата в элите или влиятельной контрэлите;

- кандидат должен обладать необходимыми для лидера **управленческими и политическими качествами**, чтобы эффективно управлять государством после прихода к власти;

- для окончательной **легитимации** процесса транзита кандидат также должен быть избираемым. При этом мы можем выделить две ключевые составляющие избираемости. Первая – доверие со стороны общества к действующему лидеру, легитимность и поддержка которого будет способствовать росту поддержки со стороны населения к его преемнику. Второе – личный политический рейтинг и капитал кандидата, который должен быть достаточно высоким, чтобы получить через выборы легитимность;

- немаловажным является фактор **посттранзитной лояльности** (сохранение договоренностей и доверительных отношений между лидером и его преемником после транзита).

Риски для преемничества, как модели транзита власти, вытекают из характеристик «идеального сценария». Задачи, поставленные перед транзитом власти, могут быть не достигнуты в случае, если:

- произойдет **раскол элит**, когда при выборе преемника или на стадии посттранзитного формирования новой конфигурации власти произойдет дестабилизация по причине, когда часть правящей элитной группы может открыто или непублично вступить в противостояние с преемником и поддержавших его групп;

- преемник будет **неспособен эффективно** управлять государством и обеспечивать политическую стабильность;

- преемник будет иметь низкую **легитимность** из-за слабой популярности и его поддержки среди населения и нарушениях при проведении выборов;

- преемник **нарушит договоренности** со своим бывшим руководителем, который его выбрал в качестве кандидата, что чревато серьезным внутриэлитным конфликтом и перестройкой всей властной модели, существовавшей в государстве до транзита;

- транзит примет по какой-либо причине **обратимый характер** и глава государства предпримет попытку возвращения к власти и отстранения преемника от руководства государством.

Опыт постсоветского пространства показывает, что за недолгую историю государственности новых независимых государств часть из списка указанных возможных негативных сценариев были реализованы. Так, например, транзит власти в Кыргызстане в 2017 г. оказался полной реализацией риска посттранзитной лояльности. Перед выборами президента, на которых действующий на то время президент республики Алмазбек Атамбаев не мог принять участие ввиду конституционных ограничений, он сделал ставку на члена своей команды премьер-министра Сооронбая Жеенбекова. При этом без поддержки Атамбаева его протекте не имел возможности стать главой государства, так как на момент начала кампании он имел рейтинг популярности на уровне 3% от общего числа избирателей. Благодаря масштабной агитационной кампании и личного участия Атамбаева в предвыборной гонке, Жеенбеков выиграл выборы и стал президентом. Но идеальный сценарий для Атамбаева очень быстро был испорчен нарушением договоренностей с преемником буквально через несколько месяцев после инаугурации. В итоге из-за политического конфликта между лидером и его преемником первый на первом этапе был отстранен от влияния на принятие решений. В дальнейшем сначала команда ушедшего президента потеряла свои посты и часть из них была арестована и осуждена, а впоследствии и сам Атамбаев лишился неприкосновенности и был арестован [15].

Другой пример негативного развития транзита власти произошёл в Казахстане, где в марте 2019 г. бессменный глава республики Нурсултан Назарбаев заявил об уходе с поста президента и запуске преемнического сценария транзита власти. В качестве преемника

глава Казахстана выбрал своего соратника, спикера верхней палаты парламента Касым Жомарта Токаева, который при всесторонней поддержке первого президента был избран главой государства в ходе всенародных выборов в июне 2019 г. Трудности в реализации транзита в Казахстане возникли из-за сохранения Назарбаевым формального и неформального влияния на политические процессы в республике даже после его ухода. Как результат, в республике фактически сложилась двухполюсная система с двумя центрами власти: формальным главой государства Токаевым и первым президентом, главой Совета безопасности, Назарбаевым. На уровне аппаратов двух глав началась конкуренция за влияние и инициативу на внутренней и внешней арене. Для политической элиты и общества двоевластие в государстве создает высокий уровень неопределенности. Усложнялась ситуация ещё и тем, что спикером сената была назначена дочь Нурсултана Назарбаева Дарига, которая сама имеет политические амбиции и даже внешне старалась проводить независимую от действующего главы политику [4]. В конце концов Д. Назарбаева по согласованию двух ведущих политиков была смещена с позиции спикера. А в последнее время отмечается заметное снижение активности Назарбаева, вероятнее всего в силу слабого здоровья, Токаев же, напротив, перехватывает инициативу и постепенно становится полноценным главой государства [12].

Анализируя существующие для успешного завершения транзита власти риски, можно констатировать, что они достаточно существенные и вероятные, особенно для государств с отсутствующими и слабыми институтами, гарантирующими стабильность на случай изменений во властных структурах государства. В условиях риска потери собственности и свободы и при отсутствии институтов главы государств стараются использовать, где это возможно, механизм сохранения власти внутри семьи, передавая верховную власть члену семьи, реализуя династический сценарий.

Династический сценарий преемничества

Данный тип транзита, по сути, представляет собой преемнический тип воспроизводства власти с одним принципиальным отличием – оно осуществляется внутри правящей семьи. То есть в целом данный тип транзита имеет схожие характеристики с преемническим сценарием, правда, несколько сниженными рисками, связанными с отношениями между уходящим лидером и его преемником, так как родственные связи в некоторой степени снижают вероятность конфликтов внутри правящей группы.

На начало 2020 г. в Центральной Азии и Южном Кавказе мы можем выделить только один уже реализованный пример династического транзита власти. В Азербайджане в 2003 г. президент республики Гейдар Алиев передал власть своему сыну Ильхаму. В рамках реализации данного сценария шла постепенная подготовка преемника как руководителя. Ильхам, начиная с 1995 г. до 2003 г. был депутатом Мелли Меджлиса (национальный парламент), также с 1994 г. занимал должность вице-президента Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР/SOCAR). В июле 2003 г., по официальной информации, президент республики Гейдар Алиев находился на лечении, и его сын был номинирован на пост президента. 4 августа по решению парламента он был назначен премьер-министром, а также в условиях отказа его отца баллотироваться на пост президента в пользу сына – был выдвинут в качестве кандидата от правящей партии в качестве кандидата. По итогам выборов, состоявшимся 15 октября 2003 г., Ильхам Алиев был выбран президентом с результатом 79.46% голосов избирателей [11].

Успешной реализации способствовало сразу несколько факторов. Во-первых, крайне высокий уровень доверия к уходящему президенту Гейдару Алиеву, который азербайджанским обществом воспринимался как создатель независимого Азербайджана, поэтому его политическая поддержка позволила обеспечить трансфер его легитимности к его сыну Ильхаму, что способствовало получению им высокой поддержки в ходе выборов. Во-вторых, ключевым аппаратным стабилизирующим аспектом, обеспечившим бесконфликтный, устойчивый процесс передачи верховной власти в государстве от отца к

сыну стала команда первого президента Гейдара Алиева во главе с руководителем его администрации Рамизом Мехтиевым. Как показал опыт республики, сплоченность политического класса, наличие эффективной управленческой вертикали являются важным условием успешной реализации династического сценария. В-третьих, немаловажным залогом успешного транзита стала готовность самого Ильхама Алиева к роли руководителя государства. Он к моменту занятия должности президента имел достаточно богатый послужной список и управленческий опыт, что позволило ему достаточно быстро адаптироваться в новой роли.

Важно отметить, что внутриэлитный конфликт всё же случился в Азербайджане спустя два года после транзита. Часть команды президента Гейдара Алиева к моменту парламентской кампании 2005 г. заявила о своих амбициях и несогласии с лидерством Ильхама Алиева. В итоге ряд высокопоставленных чиновников, среди которых был министр экономического развития Фархад Алиев, министр здравоохранения Али Инсанов и др. были арестованы и обвинены в организации заговора [11].

Ситуация в республике в целом осложнялась напряженной геополитической борьбой на постсоветском пространстве в связи с реализацией США и их союзниками ряда «цветных революций» (в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 г., в Киргизии в 2005 г.). Несмотря на достаточно кризисное положение, решительные действия Ильхама Алиева и его соратников позволило переиграть оппонентов как внутри страны, так и извне, не допустить полноценного раскола элит и победы оппозиции на парламентских выборах.

Династический сценарий мог быть реализован на постсоветском пространстве чаще, если бы не гендерные ограничения. Дело в том, что у многих лидеров стран региона среди детей нет сыновей, и это ограничивает возможности реализации династического сценария. Так, например, у первых глав Узбекистана и Казахстана Ислама Каримова и Нурсултана Назарбаева в семьях не было детей мужского пола, только дочери (у Назарбаева три дочери, у Каримова две). В политической культуре центрально-азиатских стран, к которым обе республики относятся, существуют серьезные предубеждения в отношении руководящей роли женщин в обществе. В связи с этим политические элиты республик с трудом могли бы допустить, чтобы женщина, пусть и дочь президента, могла в один из дней стать руководителем государства. Поэтому ни в Казахстане, ни в Узбекистане ни один из президентов не рассматривал всерьез возможность передачи власти одной из своих дочерей, а выбрал другой сценарий транзита власти.

Между тем, династический сценарий по ряду косвенных признаков готовится в настоящее время в Таджикистане и в Туркменистане. В Таджикистане глава государства Эмомали Рахмон системно готовит себе преемника сына Рустама, который весной 2020 г. был избран спикером сената республики, а до этого работал на посту мэра столицы, Душанбе [8]. В Туркменистане [7] также отмечается развитие карьеры сына президента республики Гурбангулы Бердымухамедова Сердара [13], который, проработав долгое время в системе МИД республики, перешел на работу в парламент.

Заключение

Анализируя сценарии осуществлённых и готовящихся к запуску сценариев транзита власти на территории бывшего СССР, мы можем отметить, что династическая модель, несмотря на свою архаичность, является достаточно распространённым вариантом транзита власти. Выбор династического сценария, несмотря на свои плюсы сохранения стабильности и преемственности в государстве в краткосрочной перспективе, в целом является достаточно архаичным и деструктивным механизмом, не позволяющим государству развиваться политически и рассчитывать на построение даже в долгосрочной перспективе правового государства с работающими политическими институтами, обеспечивающими стабильность и устойчивость государства. Проблема в том, что передача власти внутри семьи, по сути, закрепляет за главой государства и его семьей права на управление страной и создает фактически единственный

государствообразующий политический институт в лице семьи руководителя как главного носителя власти. По сути, закрепление за одной семьей права на верховную власть в государстве создает предпосылки для формирования монархии современного вида при дальнейшем повторении династического транзита власти. В таких условиях у государства в долгосрочной перспективе пропадают стимулы и механизмы для модернизации политических, социальных институтов и механизмов взаимодействия. Опыт «Арабской весны» показывает, что концентрация власти в руках узкого круга политического класса в перспективе создаёт предпосылки для революционных сценариев развития политических процессов.

Литература

1. *Арендт Х.* Традиция и современность // Советское государство и право. – 1991. – № 3. – С. 124–133.
2. *Баскакова И.А.* Транзит власти в Казахстане: новые подходы Астаны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2018. – № 1(11). – С. 149–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-149-161.
3. Биография президента Азербайджана Ильхама Алиева. Официальный сайт президента АР. URL: <https://ru.president.az/president/biography> (дата обращения: 03.06.2020).
4. *Буренко В.И.* Консерватизм и традиционализм в политическом процессе современной России // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2014. – №7. – С. 17–20.
5. *Васильева О.В.* Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4(57). – С. 200–206.
6. *Катков М., Казакова А.* В Таджикистане начался транзит власти: страна переходит к неомонархии // Московский комсомолец. 13.03.20. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/03/13/v-tadzhikistane-nachalsya-tranzit-vlasti-strana-pereydet-k-neomonarkhii.html>. (дата обращения: 03.06.2020).
7. *Норт Д.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – Москва: Изд-во инст-та Гайдара. 2011. 480 с.
8. *Нуриев Э.* Парламентские выборы-2005 в Азербайджане: факторы влияния // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №1 (43). – С. 42–51.
9. *Патрушев С.В.* Институционализм в политической науке: Этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 149–189.
10. *Половинко Т.* Страна двух господ // Новая газета. 17.01.20. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/17/83497-strana-dvuh-gospod> (дата обращения: 03.06.2020).
11. *Притчин С.* Почему сообщениям о смерти президента Туркменистана так легко поверить // Профиль 26.07.19 URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-soobshheniyam-o-smerti-prezidenta-turkmenii-tak-legko-poverit-161097/> (дата обращения: 03.06.2020).
12. Теория и история политических институтов / Под. ред. О.В. Поповой. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ. 2014. 344 с.
13. *Умаров Т.* Почему в Киргизии не получился транзит в стиле Путина-Назарбаева // Московский центр Карнеги. 16.08.19. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79678> (дата обращения: 03.06.2020).
14. *Thelen K.* Historical institutionalism in comparative politics // Annual Review of Political Science. - 1999. – Vol. 2. P.369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.
15. *Zucier L.G.* The role of institutionalisation in cultural persistence // American Sociological Review. - 1977. - Vol. 42. - №5. - P. 726-743.

References

1. Arendt X. *Tradiciya i sovremennost'* [Tradition and modernity] *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. [Soviet state and law], - 1991, - I. 3, pp. 124-133. (In Russian).
2. Baskakova I.A. Tranzit vlasti v Kazahstane: novye podhody Astany [The transit of power in Kazakhstan: new approaches of Astana] *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie»* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Political Science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies"], 2018, I. 1(11), pp. 149–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-149-161. (In Russian).
3. Biografiya prezidenta Azerbaydzhana Il'khama Alieva. Ofitsial'nyy sayt prezidenta AR [Biography of President of Azerbaijan Ilham Aliyev. Official website of the President of the Republic of Armenia]. Available: <https://ru.president.az/president/biography> (Accessed: 03.06.2020). (In Russian).
4. Burenko V.I. Konservatizm i tradicionalizm v politicheskom processe sovremennoj Rossii [Conservatism and traditionalism in the political process of modern Russia] *Vestnik GUU* [Guu Bulletin], 2014, I. 7, pp. 17–20. (In Russian).
5. Vasil'eva O.V. Politicheskie jelity Turkmenistana i problemy nacional'noj identichnosti [Political Elites of Turkmenistan and Problems of National Identity] *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2018, I. 4(57), pp. 200–206. (In Russian).
6. Katkov M., Kazakova A. V Tadzhikestane nachalsja tranzit vlasti: strana perehudit k neomonarhii. [In Tajikistan, the transit of power has begun: the country goes to neomonarchic]. Moskovsky Komsomolets [Moskovskij komsomolec] 03.13.20. Available: <https://www.mk.ru/politics/2020/03/13/v-tadzhikestane-nachalsya-tranzit-vlasti-strana-pereydet-k-neomonarkhii.html> (Accessed: 03.06.2020). (In Russian).
7. Nort D. *Nasilie i social'nye porjadki. Konceptul'nye ramki dlja interpretacii pis'menglj istorii chelovechestva* [Violence and social orders. Conceptual framework for interpreting the written history of mankind], M., Gaidar inst. Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
8. Nuriev J. Parlamentskie vybory-2005 v Azerbaydzhanе: faktory vlijanija [Parliamentary elections-2005 in Azerbaijan: factors of influence]. *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2006, I. 1 (43), pp. 42–51. (In Russian).
9. Patrushev S.V. Institucionalizm v politicheskoy nauke: Jetapy, techenija, idei, problemy [Institutionalism in political science: Stages, currents, ideas, problems]. *Politicheskaja nauka*, [Political science], 2001, I. 2, pp. 149–189. (In Russian).
10. Polovinko V. *Strana dvuh gospod* [Country of two masters]. Novaya Gazeta. 17.01.20. Available: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/17/83497-strana-dvuh-gospod> (Accessed: 03.06.2020). (In Russian).
11. Pritchins S. Pochemu soobshhenijam o smerti prezidenta Turkmenistana tak legko poverit' [Why is it so easy to believe reports about the death of the President of Turkmenistan]. Profile 26.07.19. Available: <https://profile.ru/politics/pochemu-soobshheniyam-o-smerti-prezidenta-turkmenii-tak-legko-poverit-161097/> (Accessed: 03.06.2020). (In Russian).
12. *Teorija i istorija politicheskikh institutov* [Theory and history of political institutions]. Ed. by O.V. Popova, SPb., Izd-vo SPbGU Publ., 2014, 344 p. (In Russian).
13. Umarov T. Pochemu v Kirgizii ne poluchilsja tranzit v stile Putina-Nazarbaeva [Why the transit in the style of Putin-Nazarbayev didn't work out in Kyrgyzstan]. Moscow Carnegie center 16.08.19. Available: <https://carnegie.ru/commentary/79678> (Accessed: 03.06.2020). (In Russian).
14. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics, *Annual Review of Political Science*, 1999, V. 2, pp. 369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.
15. Zucer L.G. The role of institutionalisation in cultural persistence, *American Sociological Review*, 1977, V. 42, I. 5, pp. 726–743.